

Cogito в сетях цифровой реальности

Зброжек Екатерина Александровна, кандидат философских наук

Аннотация. Статья посвящена проблеме самоидентификации субъекта в условиях новой реальности, связанной с преобладанием цифровых технологий. В ней показывается, что эта реальность наносит очередной удар по картезианскому понятию субъекта как мыслящей субстанции. Иное звучание приобретают извечные философские проблемы: проблема самоочевидности субъекта, проблема взаимоотношения Я и Другой (другие), проблема творческого потенциала личности.

Ключевые слова: самоидентификация субъекта, цифровая реальность, искусственный интеллект, интерпассивность, Я и Другой, С. Жижек

Abstract. The article is devoted to the problem of self-identification of a subject under the conditions of a new digital reality. The article shows that this reality delivers another blow to the Cartesian concept of the subject as a thinking substance. The eternal philosophical problems become a new understanding: the problem of the subject's self-evidentness, the problem of the relationship between I and the Other (others), the problem of the creative potential of the individual.

Keywords: subject self-identification, digital reality, artificial intelligence, inter-passivity, Self and Other, S. Zizek

Развитие информационных технологий и заявленная цифровизация экономики вновь вставит перед философией вопрос о самоидентификации субъекта. Адепты цифровизации фактически сводят субъекта к некоторому набору прежде всего телесных качеств (биометрических персональных данных), которыми мы можем научиться управлять: считывать движение глаз, чтобы понять, какой товар привлекает потребителя на полках магазинов, расшифровывать реакцию мозга при принятии им тех или иных решений. Биометрическая идентификация — пожалуй, один из самых ярких примеров того, как субъект превращается в разрозненный набор свойств тела (отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаза). По картезианской формуле «мыслю, следовательно, существую» вновь нанесен удар.

Конечно, подобные казусы случались в философии и раньше. Картезианский субъект давно уже был мишенью для любителей Софии. Однако ранее это связывалось, прежде всего, с проблемой самоочевидности мыслящего субъекта, поставленной под вопрос Фрейдом и открытием бессознательного. «Зажатое между императивами супер-эго и инстинктуальными требованиями id, эго не хозяин даже в собственном доме» и не может уповать на картезианские достоверности» [6].

Анализ поведения субъекта в цифровой реальности опирается на поведенческую экономику, в которой иррациональность (если быть точным, ограниченную рациональность) субъекта, казалось бы, продолжает постулироваться. Однако эта иррациональность кардинально отличается от иррациональности, на которую указывали психоаналитики. Поразительным образом, это прогнозируемая иррациональность, иррациональность, которую, по мнению авторов, можно рассчитать и учесть, прежде всего, при помощи математических средств. Люди индивидуальны, но их индивидуальность управляема, показывает Р. Тайлер. «В основе нашей модели, в действительности, лежит метафора. Мы исходим из предположения, что в любой момент времени у индивида есть две идентичности. Одна из них — идентичность муравья — строит планы на будущее, с благими намерениями и рациональным целеполаганием; а другая — идентичность стрекозы — живет сегодняшним днем, беспечно плывя

по течению. Ключевой вопрос для любой модели такого поведения состоит в том, чтобы выяснить, как описать взаимодействие между этими двумя идентичностями» [7, с. 137].

В противовес скепсису относительно картезианского субъекта в философии существует традиция, наоборот, его реабилитации. Так, в частности, С. Жижек реабилитирует картезианское сомнение, которое, по его мнению, означает «преуменьшение мышления, которое также подразумевает переход через мгновение полного безумия» [5, с. 231]. Явление виртуальности, при котором я могу скрываться за чужими аватарками, по мнению Жижека, очень красноречиво доказывает, что «все ваши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно cogito ergo sum, то есть картезианский субъект» [3]. Однако цифровизация и развитие искусственного интеллекта возвращает нас к обратному утверждению. Это наше мышление заменяемо (искусственным интеллектом), а неизменными остаются только некоторые константы нашего тела (сетчатка глаза, форма ушной раковины, отпечатки пальцев). Даже если кто-то воспользуется нашими уникальными идентификаторами в корыстных целях (самое простое, не раз обыгранное в криминальных фильмах, отрезать палец и приложить его к сейфу) для цифровой реальности — это все равно будем мы (мой палец = я), поскольку никакого другого я по ту сторону этого опознавательного знака не существует. Я могу конституировать свой ложный образ в виртуальном пространстве, но не в пространстве цифровом.

Концепция цифровой реальности в какой-то мере противостоит концепции биополитики, которая предполагает, что как раз любые наши физические свойства (вплоть до ДНК) можно сконструировать. Характерными в этом смысле являются рассуждения об ЭКО Ника Бостона в книге «Искусственный интеллект» [2], где автор очень серьезно надеется на скорое наступление общества искусственной селекции на уровне эмбрионов с целью совершенствования физических и интеллектуальных качеств человека. Цифровизация, биополитика, искусственный интеллект вместе взятые приводят к пугающему выводу, что от субъекта не остается ничего, он в полной мере оказывается пустым субъектом.

Удар наносится даже по последнему прибежищу уникальности человека. «Человек создан, чтобы творить»,— из века в век констатировали писатели, мыслители, деятели искусства. Однако «искусственный интеллект в ближайшие 10 лет научится писать художественные произведения лучше людей»,— такую точку зрения высказал заведующий кафедрой сложных интеллектуальных систем в университете Пассау в Германии Бьорн Шуллер¹. Ожидается, что вслед за прохождением теста Тьюринга искусственный интеллект пройдет тест на креативность и обретет элементы личностного поведения, т.е. обретет субъектность. Что же в таком случае останется от человека-творца? Тут однако можно задать актуальный вопрос: «Что есть творчество?». Является ли производство текстов машиной по заранее заданному алгоритму, пусть и обладающего всеми признаками художественного, творчеством? Как правило, под творчеством понимается все же акт произвольной свободы (вспомним Канта).

В свете цифровизации приобретают новое звучание и проблема взаимоотношения Я и Другого. В философской традиции принято различать два вида понятия другой: другой с маленькой буквы (т.е. другой субъект), Другой с большой буквы, т.е. символический порядок. Взаимодействие субъекта с другим с маленькой буквы происходит в двух плоскостях: телесной и смысловой (сфера признания). При этом для философии центральной проблемой всегда была проблема смысловой коммуникации, а именно что является смысловой опорой взаимодействия двух субъектов? Ответом на этот вопрос выступала идея признания другого в качестве равноправного партнера коммуникации (что с философской точки зрения означает признание его рациональности). Но если благодаря распространению механизмов цифровизации и опытов поведенческой экономики, я знаю, что мое поведение можно математически просчитать и, следовательно, манипулировать им извне, а я являюсь лишь совокупностью специфически телесных качеств и поведенческих реакций, то каким образом я могу признать рациональность за другим, если я более не могу признать собственную рациональность? (точнее даже не так, теперь я знаю, что я рационален, в смысле предсказуем, но только это рациональность, заданная Другим). Кроме того, в проблему взаимодействия Я и Другого добавляется проблема взаимодействия человека и носителя искусственного интеллекта (с роботом, машиной).

Другой с большой буквы, Другой как символический порядок тоже приобретает иные коннотации. Лингвистический поворот в философии отдал центральное место в конструировании этого порядка языку. Субъект — это тот, кто представляет одно означающее другому в речи,— такое определение субъекту мог бы дать Ж. Лакан. Но мы видим, что теперь это далеко не так. Признание субъекта рациональным, как ранее предполагалось, должно происходить благодаря осмысленности его коммуникации, его речи. Однако нынешний субъект—это субъект молчаливый. С развитием технологий мы вообще все

меньше стали коммуницировать в традиционном смысле этого слова. Мы больше ничего не говорим. Мы тыкаем на кнопки, ставим лайки и тд. При таком подходе, рациональность приравнивается к корректности реакций. Мы рациональны, если ожидаемо отвечаем на внешние раздражения. Цифровая реальность парадоксальным образом содержит все 2 крайние стратегии поведения. С одной стороны, развитие интернет технологий позволяет вовлечь все больше людей в процесс. Человек не является больше просто потребителем. Все большую популярность приобретают перформансы с вовлечением зрителей, благодаря таким сервисам как «Активный гражданин» вы можете непосредственно влиять на события, происходящие в вашем городе, в каждом магазине, банке и тд. есть сервисы, позволяющие оценить работу поставщиков услуг. «Нам важно ваше мнение»,—это фраза стала обыденностью для нашей реальности. Однако, наряду с такой интерактивностью, как это хорошо показал Жижек, приходит интерпассивность[4]. Вовлекая меня в те или иные процессы Другой тем самым ведет меня по заданной им траектории, лишает меня собственной пассивной реакции. Я свободен выбирать, только при условии, что я сделаю правильный выбор. На самом деле мое мнение никого не интересует. Произнося фразу «нам важно ваше мнение», Другой просто прощупывает меня на предмет следования правилам игры. Цифровизация делает этот процесс до парадоксальности осязаемым. В цифровой реальности мне недвусмысленно намекают, что мое дело правильно нажимать на правильные кнопки. Больше от меня ничего не требуется. Но и даже в этом умении меня могут в ближайшее время заменить роботы.

Одной из главных характеристик цифровой реальности становится то, что это реальность параноидальная, реальность, населенной «субъектами, предположительно знающими». Субъект, предположительно знающий — один из моментов психоаналитического сеанса, обозначающий перенос. Впервые был зафиксирован З. Фрейдом. Ж. Лакан говорит о подобном же механизме, относительно механизма знания: Аналитик, уже в начале психоаналитического сеанса предполагает, что аналитик обладает некими знаниями относительно его персоны, относительно тайны его желания. Цифровая реальность вселяет в нас параноидальное опасение, что Другой уже все знает о нас (мы уже есть во все возможных базах, под колпаком ФСБ и другие варианты подобного опасения). Нам кажется, что удар наносится даже по, казалось бы, самой неуязвимой части нашей сущности, нашему желанию. Маркетологи самоуверенно считают, что и наше желание программируемо. В частности, сейчас в маркетинге получили распространение такие методы, как визуализация мозга, чтобы понять, как люди принимают решения. Однако если мы все же признаем бессознательную природу желания, то насколько визуализация мозга может помочь нам разгадать нам его природу?

Наступающую эпоху цифровизации нередко называют новой промышленной революцией. И мы не

¹ <http://pl.com.ua/cherez-desyat-let-iskusstvennyj-intellekt-smozhet-zamenit-pisatelej-i-poetov>

можем не согласиться, что эта революция «не является в полном смысле этого слова промышленной — ее влияние на производственные технологии оказалось гораздо меньше, чем ожидалось и планирова-

лось. Влияние цифровой революции на общество, человека и перспективы развития цивилизации гораздо глубже и масштабнее». [1, с.104]. Прежде всего, она вынуждает человека снова искать ответа на вопрос, кто он и каково его место в этом меняющемся мире.

Литература:

- 1.Ахромеева Т.С., Малицкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика// Философские науки № 6, 2017.
- 2.Бостом Н. Искусственный интеллект/ Научные редакторы М. С. Бурцев, Е. Д. Казимилова, А. Б. Лаврентьев. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2016.— 760 с.
- 3.Жижек С. Власть и цинизм.—URL: http://lacan.narod.ru/ind_lak/ziz21.htm
- 4.Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм.- СПб.: Алетейя, 2005.— 156 с.
- 5.Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Из-во «Гуманитарный центр». 2012.— 388 с.
- 6.Мэйси Д. О субъекте у Лакана// URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_16.htm
- 7.Тайлер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.:Эксмо, 2017—368 с.